

Старичёнок В.В.
«СТАТЕЙНОЕ ПИСЬМО» 1524 ГОДА:
СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Ключевые слова: Статейное письмо, Крестьянская война в Германии, Томас Мюнцер.

В 1524–1526 гг. Германия была охвачена Крестьянской войной. В ней принимали участие разные социальные группы (крестьяне, горожане, рыцари), каждая из которых преследовала собственные интересы. Соответственно, цели восставших отличались, о чем свидетельствуют ряд составленных ими документов. В советской историографии выделяют три основополагающих источника: «Статейное письмо» («Письмо-тезисы»), «12 статей», «Гейльброннская программа». Первый отражает чаяния беднейших слоев немецкого крестьянства и городского плебса, второй – крестьянства в целом, третий – зажиточных горожан. Подчеркивается, что «Статейное письмо» является «наиболее революционной по содержанию» программой [2, с. 244], а «требования, заключавшиеся в нем, означали решительную борьбу против всех господ» [8, с. 126]. На наш взгляд, эти утверждения спорны. Цель работы – выявление специфики «Статейного письма» (далее – Письмо), сравнение его текста с другими документами, составленными представителями радикального крыла Крестьянского восстания.

Первое, на что следует обратить внимание – это на отсутствие в Письме призывов к вооруженной борьбе. Начинается оно с выражения крестьянами недовольства притеснениями со стороны феодалов. Однако неудовлетворенность не является доказательством намерения силой сокрушить существующий порядок. Напротив, из текста вполне определенно следует, что авторы не призывают к «решительной борьбе», а, наоборот, хотят «с помощью Бога освободиться, и притом, насколько это возможно, *без вооруженной борьбы и кровопролития*» (курсив – В.С.) [6, с. 127].

Авторство Письма приписывается одному из руководителей восстания Т. Мюнцеру, который призывал создать «Царство божье» на земле без имущественного неравенства, где власть принадлежала бы народу, а все руководствовались религиозными нормами и заповедями в повседневной жизни. Народ понимался как религиозная община, избирающая правителей из числа общинников [4, с. 125–126]. Т. Мюнцер считал возможным создать такое общество посредством насилия. В письме к Мансфельдским рудокопам он пишет: «Беритесь за дело... и выходите на борьбу... Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови! Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха» [5, с. 116]. Ряд выдержек с его аналогичными призывами содержится в работе Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» [9, с. 46–48].

Если у Т. Мюнцера имелась революционная программа с четко обозначенными целями и способами их достижения, то в тексте Письма этого нет. Стремление освободиться от эксплуатации и угнетения, желание создать общество, построенное на принципах всеобщей справедливости, выраженное в данном документе, вполне естественно. Но это не является подтверждением «революционности» программы. Речь в нем идет о так называемом «христианском объединении». В отношении тех, кто откажется в него вступить предлагается так называемое «светское отлучение». При этом оно не предполагает никаких санкций по отношению к отлученным. Продолжаться это отлучение будет до тех пор, пока «вы ... не вступите *с доброй волей*» (курсив – В.С.) в это христианское объединение» [6, с. 127].

Очевидно, такое отлучение может иметь силу только, если представители данного христианского объединения влиятельны, а отлучение действительно ухудшит положение отлученного. Но в конце 1524 г. (время составления письма) члены подобных объединений представляли собой меньшинство, это были маргинальные группы, состоявшие из бедняков. Поэтому для знати, зажиточных крестьян и горожан идея вступления в подобные

структуры не была привлекательной, а «отлучение» не несло никакой опасности. Скорее всего, текст письма этими социальными группами попросту игнорировался.

Итак, текст источника противоречит выводам советского историка М.М. Смирин, размещенным в учебнике «История средних веков»: «в условиях же существования указанных тягот дело не обойдется без кровопролития»; «объединенный народ ликвидирует вражеские очаги и установит тот порядок, который он считает справедливым» [7, с. 79]. В новой редакции учебника историк В.М. Володарский, утверждая, что в Письме речь идет о «принципе перехода власти к народу», дает весьма обтекаемый вывод и пишет, что оно «выразило одну из характерных тенденций Крестьянской войны, сформулировав радикальные принципы, которые крестьянская масса нередко воплощала на практике, даже ничего не зная о «Статейном письме» [1, с. 97].

Очевидно, М.М. Смирин выражал позицию Ф. Энгельса, изложенной в четвертой главе работы «Крестьянская война в Германии». Там Письмо названо «радикальным манифестом», в котором «речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами, а пункт о «светском отлучении» означал лишь, что угнетатели и изменники должны быть перебиты, замки сожжены, монастыри и церкви конфискованы и сокровища их обращены в деньги». Еще больше классик «ушел» от текста «Статейного письма», написав, что оно «сделалось правилом для ведения войны» [9, с. 76]. Такое истолкование Ф. Энгельсом Письма «переместило» документ в разряд революционных документов. В свою очередь, необходимость советских историков следовать классикам привела к искажению, превратив Письмо из брошюры с наивными мечтами крестьян о справедливом обществе в революционную программу восставших.

Внятное изложение революционных требований немецких крестьян находится в другом документе – «Статьях Франконского крестьянства», размещенных в хронике Томаса Цвейфеля. Там помимо экономических говорится о социальном переустройстве, базирующемся на равенстве прав: «все духовные и светские лица, благородные и неблагородные, должны впредь иметь права простых бюргеров и крестьян и быть не больше, чем любой простой человек». Достигается эта цель вооруженной борьбой с разрушением «вредных замков и укреплений», «от которых до сих пор бедному человеку проистекали большие тяготы» [3, с. 51].

Таким образом, анализ «Статейного письма» позволяет констатировать, что оно является обобщенным манифестом, выражающим пожелание крестьян создать справедливое общество. Вместо насилия предлагалась идея формирования христианских общин, члены которых должны были вступать в них добровольно. Следовательно, этот документ в гораздо большей степени, чем декларировалось в советской историографии, относится к жанру утопической литературы, а не революционной.

1. Володарский, В. М. Германия в XVI – первой половине XVII вв. / В. М. Володарский // История средних веков : в 2 т. – Т. 2 : Раннее Новое время / под ред. С. П. Карпова. – 6-е изд. – М. : МГУ, 2008. – С. 73–123.

2. История средних веков (XV–XVII вв.). Хрестоматия. Пособие для учителей. Ч. II / сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. – М. : Просвещение, 1974. – 320 с.

3. Крестьянская война 1525 года во Франконии : сборник документов. – В 2 т. – Т. 1 / сост. В. А. Ермолаев ; Сарат. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. – 56 с.

4. Мюнцер об общности имуществ и народном суверенитете // Практикум по истории средних веков : в 2 т. – Т. 2 / сост. М. Л. Абрамсон [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1988. – С. 125–126.

5. Письмо Мюнцера Мансфельдским рудокопам // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. – М. : Наука, 1950. – Т. 3. – С. 115–116.

6. Письмо-тезисы // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. М. : Наука, 1950. – Т. 3. – С. 126–128.

7. Смирин, М. М. Эпоха Реформации и Великой Крестьянской войны / М. М. Смирин // История средних веков : в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 56–91.

8. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. – М. : Наука, 1950. – Т. 3. – 348 с.

9. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии / Ф. Энгельс. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. – 202 с.